

УДК 94 (47).073

doi 10.17072/2219-3111-2024-1-39-58

Ссылка для цитирования: *Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А.* Роль миграций в культурогенезе средневекового населения лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 39–58.

РОЛЬ МИГРАЦИЙ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПИ И ПОДТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Н. П. Матвеева

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6
n.p.matveeva@utmn.ru
ResearcherID: ABD-1689-2020
Scopus Author ID: 57209827145

А. С. Зеленков

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6
qvimen@hotmail.com
ResearcherID A-5847-2017
Scopus Author ID 57219746752

Е. А. Третьяков

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6
gor-tom@mail.ru
ResearcherID: AAG-3175-2021
Scopus Author ID: 57213626432

В настоящей статье на региональном археологическом материале оценивается роль миграционных процессов на сложение и развитие материальной культуры населения южнотаежного и лесостепного Тоболо-Иртышья эпох переселения народов, раннего и развитого Средневековья. Источниками послужили около 400 археологических объектов: поселения, могильники, культовые места, местонахождения IV–XIII вв. н.э. лесостепного и подтаежного Тоболо-Иртышья, а также сведения об антропологическом составе популяций. Авторы аргументируют этнокультурную мозаичность и существенный вклад мигрантов в историко-культурные процессы Западной Сибири эпохи Великого переселения народов, раннего и развитого Средневековья. В период Великого переселения народов доминировали меридиональные проникновения в лесостепь, но главную роль в культурогенезе и антропологическом составе населения сыграли таежные мигранты. В раннем Средневековье историко-культурные картины развития Тоболо-Ишимья и Прииртышья значительно различались за счет доминирования автохтонов в Зауралье и господства северных мигрантов в долине Иртыша, создавших отдельные культуры – бакальскую и потчевашскую. Ярко проявилось в памятниках переходного типа внутризональное широтное передвижение на запад, вплоть до оттока населения. Оно предположительно происходило под давлением кыпчаков и печенегов в период их экспансий. Вовлеченность в мировые экономические связи Западной Сибири также содействовала миграциям малых коллективов как носителей технологических новаций и организаторов торговых маршрутов. В развитом Средневековье различие в пропорциях субстратных и суперстратных групп Зауралья и Прииртышья продолжало сохраняться. Существенная экспансия угорского населения из Нижнего Приобья в юго-западном направлении привела к сложению на западе новой этнокультурной среды – юдинской, а возрождение автохтонных начал наряду с проникновением небольших групп номадов на востоке рассматриваемого ареала (усть-ишимская культура) было толчком к началу процессов тюркизации угорского мира.

Ключевые слова: Западная Сибирь, лесостепь, южная тайга, миграции, раннее и развитое Средневековье, бакальская, потчевашская, юдинская, усть-ишимская культуры.

Введение

Выявление следов, характера и акторов миграций является одной из фундаментальных задач археологии в контексте исторических реконструкций прошлого [Клейн, 1999] и имеет большую историографию в свете разных концептуальных подходов, в том числе диффузионистского, энвайроменталистского и др. Представления о живом и повторяющемся характере миграционных процессов и принятие гипотезы о прозрачных культурных границах в прошлом в противовес упрощенно понимаемому автохтонному развитию обществ наиболее полно и обстоятельно сформулировал Д. Энтони. По его мнению, поддерживаемому С. Хэкенбек, С. Бурмайстером и др., миграция – это структурированное поведение, которое присуще определенной группе людей с определенными целями, использующие известное направление и маршруты [Anthony, 1990, p. 895–915; Hakenbek, 2008, p. 17; Burmeister, 2000, p. 540; Cameron, 2013]. В рамках антропологического подхода при поиске признаков миграций акценты смещаются с изучения предметов отдаленного происхождения на новации в хозяйственной и духовной сферах. В частности, типы вещей, элементы сооружений и проч., использующиеся в хронологических штудиях и составляющие основы периодизационных схем, рассматриваются в качестве фона материальной культуры, обеспеченного развитием глобальной торговли и обмена. Считается, что следы миграций коллективов или групп скрываются под экономической оболочкой общества и обнаруживаются в отдельных деталях общей системы, выбивающихся из традиционного типологического ряда, например, в особенностях устройства жилищ, погребального обряда [Cameron, 2013, p. 220–223], структуре расположения поселков [Burmeister, 2000, p. 540–541; Prien, 2005, p. 15–20], манипуляциях с телом [Hakenbek, 2009], а также синкретичных наборах украшений и деталей одежды.

Социально-политическое направление изучения миграций рассматривает их как результат столкновения групп людей с разным хозяйственно-культурным типом в пределах одной природно-географической зоны. Оно основывается на выявлении последствий влияния одних народов на другие, в частности, степных кочевников на культурное развитие оседлых аборигенов. Эту концепцию на базе фундаментальных археологических открытий и массовых антропологических источников длительно разрабатывает отечественная школа исследователей. Особенно ярко она выражена в скифо-сарматской археологии, в том числе с детализацией разных природных и социально-политических факторов. Большие успехи за последние десятилетия достигнуты в изучении динамики культур и выявлении свидетельств миграций исторических народов (хунну, сяньби, теле, тюю, кимаки, уйгуры, кыргызы и др.) на материалах Алтая и Казахстана (Е. Н. Богданов, Н. В. Полосьмак, Л. А. Бобров, В. В. Горбунов, Д. Г. Савинов, З. С. Самашев, А. А. Тишкин, Ю. С. Худяков, С. А. Матренин, А. С. Васютин, А. А. Бейсенов, К. М. Байпаков, Е. А. Смагулов, Г. В. Кубарев, Н. А. Подушкин, Н. Н. Серегин и др.). Инновации в конкретных археологических культурах рассматриваются не только как ответ человека на изменение природно-климатических условий, но и как результат завоевательной политики со стороны государств Центральной Азии и активного взаимодействия пришлого и коренного населения в их общих ареалах расселения [Могильников, 1987; Могильников, 1994; Косарев, 1991 и др.].

Западная Сибирь во все периоды прошлого была вовлечена в потоки культурных достижений и этнические процессы Евразии. Можно констатировать, что оба лидирующих в начале XXI в. подхода к миграционным процессам нашли применение в современных исследованиях средневековых культур Западной Сибири и сопредельных регионов, например, в работах по Приобью [Зыков, 2012; Савинов, Новиков, Росляков, 2008], Северному Алтаю [Бобров и др., 2003; Кубарев, 2005; Серегин, Матренин, 2016], Тоболо-Ишимью [Матвеева, 2012, 2016], Прииртышью [Конилов, 2007], Южному Зауралью [Боталов, 2016, 2019]. Однако малая изученность лесостепных памятников западной части Западной Сибири не позволяла до сего времени включать их в большие территориальные обобщения. В западно- и восточно-европейской литературе эпизодическое привлечение западносибирских материалов имеет давнюю традицию и реализуется в основном в социально-политическом ключе, но без опоры на

анализ источников, что приводит часто к нежизнеспособным построениям и архаичному примордиалистскому пониманию этногенеза.

Проблемная ситуация в науке, сложившаяся на сегодняшний день, ставит перед нами задачу введения в дискуссионное поле новых идей с других теоретических позиций. Так, в частности, недавно была предложена конструктивистская версия этногенеза мадьяр [Тюрк, 2013; Комар, 2018; Матвеева, Дьени, Зеленков, 2021], конечно, требующая детального обоснования. Кроме того, до недавнего времени период IV–XIII вв. Западной Сибири рассматривался изолированно, вне общих историко-культурных связей с сопредельными регионами Волго-Камья, Урала, Барабинской лесостепи, Казахстанских и Кулундинских степей, что являлось следствием слабой обеспеченности источниками, а также превалирования эволюционных взглядов на процесс культурогенеза сибирского населения, поэтому анализ и интерпретация новаций по данным обновленного корпуса источников (бакальская, потчевашская, юдинская культуры) также являются нашими задачами.

Источники и методы

Основой работы являются памятники раннесредневековых бакальской (110 ед.), карымской (30 ед.), потчевашской (83 ед.), батырско-петрогромской (20 ед.), юдинской (112 ед.), макушинской (20 ед.) культур Тоболо-Иртышья, новые материалы по которым обобщены авторами в отдельных главах монографического издания [Матвеева, Зыков, Зеленков и др., 2022]. Археологические памятники представлены в основном поселениями и городищами, а также грунтовыми и курганными могильниками, святилища-костища обнаружены только в южно-таежной и горнолесной зонах Зауралья. Говоря об отдельных категориях источников, можно отметить большую изученность керамики, инвентаря и жилищ. К сожалению, не все культуры в равной мере представлены репрезентативными выборками захоронений, оставляет желать лучшего уровень разработки вопросов хозяйства и антропологического состава населения, единичны данные генетического анализа костной ткани погребенных.

Следует отметить, что авторами сравнительно-типологическим, картографическим, статистическим, радиоуглеродным методами проанализированы в хронологическом и культурном аспектах основные типы артефактов и сооружений, позволившие не только выявить специфические для региона элементы материальной культуры, но и обосновать хронологическое членение западносибирских памятников на пять последовательных этапов [Матвеева, 2016; Третьяков, 2022]: 1) рубеж II/III–IV вв.; 2) IV – начало VI в.; 3) конец VI – начало IX в.; 4) вторая половина IX – первая половина XI в.; 5) вторая половина XI – середина XIII в. Каждый из этапов согласуется с трансевразийскими историческими событиями и цивилизационными процессами эпохи Великого переселения народов, времени господства Тюркских каганатов и Кимако-Кыпчакского объединения. Поэтому будем рассматривать материалы в соответствии с ними.

Обсуждение

Рубеж II/III–IV вв. характеризуется инфильтрацией таежного карымского населения из Нижнего Приобья, в основном по Тоболу и Ишиму, выразившейся в появлении нового типа артефактов – гребенчатой и фигурно-штамповой керамики мисковидных и чашевидных форм в ранних строительных горизонтах лесостепных бакальских поселений (напр., Большое Бакальское, Ласточкино Гнездо-1, Коловское, Старо-Лыбаевское-1 городища), а также в погребениях Козлов Мыс-2, Ипкульского, Устюг-1, Ревда-5 некрополей по обряду кремации. Данные культурные новации находят полные аналогии в таежном Приобье [Борзунов, Чемякин, 2015]. Ранее на данной территории существовали саргатская традиция с резной и накольчатой орнаментацией и преобладанием горшковидных форм сосудов, курганный обряд с ориентацией могил в северном и северо-западном направлениях, унаследованные местным гончарством и погребальной практикой раннего Средневековья. По материалам этих памятников можно говорить об интенсивной аккультурации таежных мигрантов в бакальской среде в связи с отсутствием карымских стационарных поселений и жилищ. На это указывает также малая доля

грунтовых погребений в узких прямоугольных ямах, имеющих в вещевых комплексах такие специфические для таежного населения Обь-Иртышья конца железного века предметы, как каменные и железные тесла, миниатюрные котловидные (рис. 1, 29), зоо- и орнитоморфные подвески (см. рис. 1, 28), полые трубочки-пронизки.

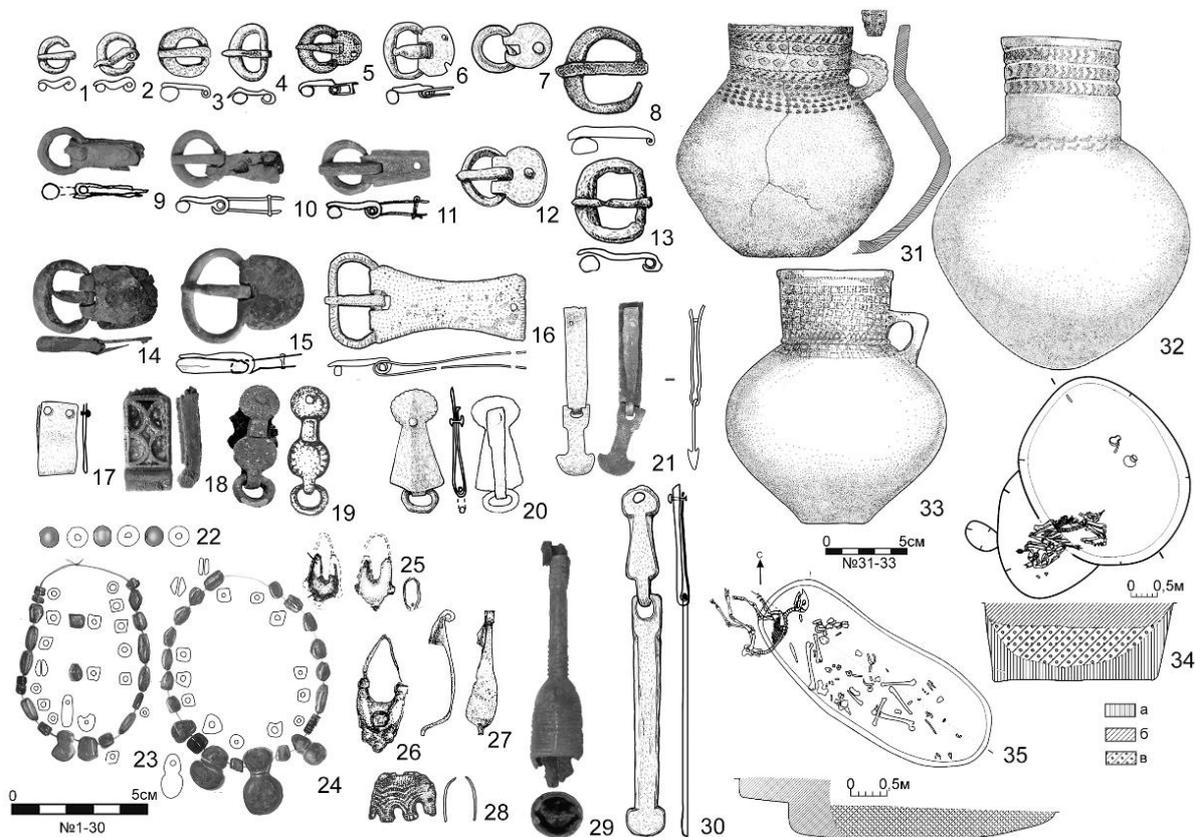

Рис. 1. Вещи и погребения периода III–IV вв. н.э.: 1–5, 9, 21, 23, 24, 26–28, 31–35 – Устюг-1; 6–7, 12, 13, 17–18, 20 – Ипкульский; 10, 11, 15, 22, 25 – Ревда-5; 8, 16 – Козлов Мыс-2; 14, 29 – Красноярский-IV некрополи

Инновации, связанные с инфильтрацией nomads различного происхождения, зафиксированы также отчетливо. В частности, выразительными с точки зрения кочевнического компонента в ранних комплексах бакальской культуры являются кенатафы, а также единичные погребения с конем (см. рис. 1, 34, 35), аналогии которым находим в памятниках буланкобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 60]. Относительно массовым явлением можно считать распространение традиции кольцевой деформации головы [Слепцова, 2016]. Кроме того, основу поясных наборов (см. рис. 1, 1–21, 29, 30), а также отдельных аксессуаров костюма (серьги, браслеты, фибулы) (см. рис. 1, 26–27) составляют вещи позднесарматского круга древностей, прикамского (см. рис. 1, 16), среднеазиатского и восточноевропейского импорта (см. рис. 1, 22–23), что не только позволяет ставить вопрос о ранних контактах и связях бакальских насельников с миром волго-уральских народов, но и предполагает возможное участие западносибирских племен в международной торговле и обмене наряду с оседлыми и полукочевыми племенами Прикамья (мазунинская) и Приуралья (бахмутинская, турбаслинская).

Кроме того, антропологами по данным краниологического анализа серий из могильников Ревда-5, Устюг-1, Козлов Мыс-2 и Ипкульский установлена неоднородность населения. В частности, по строению и профилировке лицевого скелета, а также морфологии черепной коробки установлено, что мужские и женские выборки занимают промежуточное значение между классическими европеоидными и монголоидными вариантами [Матвеева, Зыков, Зеленков и др., 2022]. При этом мужские серии ближе к первым, а женские – ко вторым.

Смешанность антропологического состава популяций ярко проиллюстрирована статистическими сравнениями, по результатам которых мужская группа индивидов из бакальских памятников тяготеет к степному западносибирскому населению, в частности, особую близость демонстрирует с сериями III в. до н.э. – I в. н.э. Казахстана и Горного Алтая, дистанцировавшись от саргатской выборки. Между тем монголоидный компонент, преобладающий в женской части популяций, по данным А. Н. Багашева, может быть связан с таежными популяциями раннего железного века кулайской культуры [Багашев, 2017].

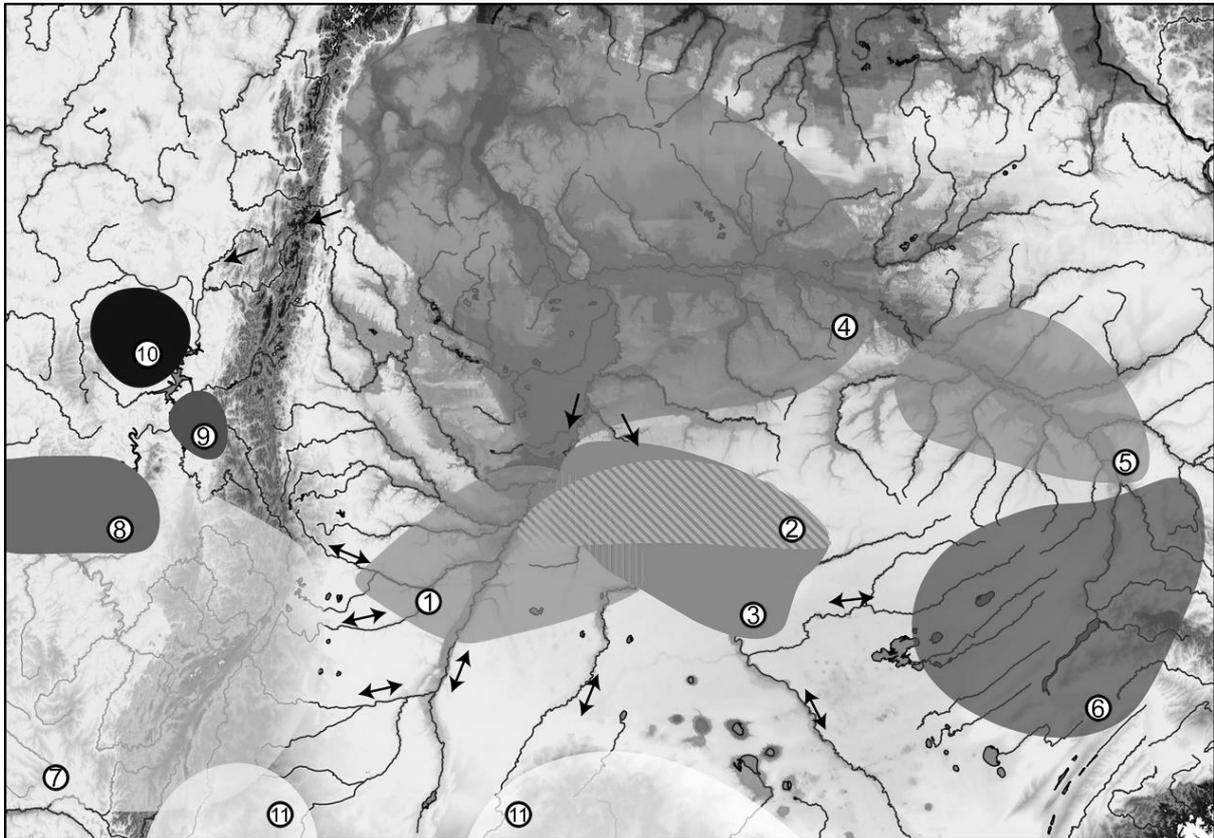

Рис. 2. Культуры эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Урало-Сибирского региона и возможные пути миграций: 1 – бакальская культура; 2 – карымский тип памятников; 3 – потчевашская культура; 4 – нижнеобская культура; 5 – релкинская культура; 6 – верхнеобская культура; 7 – турбаслинская, кушнаренокско-караякуповская культуры; 8 – бахмутинская, мазунинская культуры; 9 – неволинская культура; 10 – ломоватовская культура

Трансформация материальной культуры Тоболо-Иртышья в связи с волнами миграций отразилась на облике керамической продукции. В ранних материалах бакальской культуры нередко находки сосудов, сохраняющих лесостепные черты емкостей, характерных для бакальской и предшествовавшей ей саргатской культур, с синкретичным орнаментом, выполненным в резной, гребенчатой и фигурно-штамповой техниках. В это же время в бакальской среде формируется новая гончарная традиция кушнаренокского типа, представленная на большинстве памятников единичными изделиями высокого качества изготовления. Она объединяет кувшины с местными западносибирскими узорами в виде «уточек» (см. рис. 1, 31), подквадратных, подтреугольных и ромбических фигурных штампов (см. рис. 1, 31, 33) с заимствованным с юга многолинейным прочерчиванием и желобками по горловине. Бакальский ассортимент включил кружки с ручками, котловидные сосуды, ранее не встречавшиеся на данной территории. Ввиду отсутствия прямых аналогий этим формам в гончарной продукции культур раннего железного века региона, а также более поздних дат комплексов кушнаренокской культуры Южного Урала в сравнении с нашими склоняемся к гипотезе о влиянии на сложение кушнаренокского типа посуды в Западной Сибири

среднеазиатских гончаров, не исключая возможности прямых контактов с ними, учитывая высокую мобильность бакальского населения [Матвеева, Третьяков, 2021]. С другой стороны, кувшиновидные емкости могли появиться в качестве подражаний металлической посуде и высококачественному керамическому импорту, пользовавшемуся спросом у элиты кочевого населения евразийских степей.

Таким образом, после распада саргатской культуры разрушилась устоявшаяся за несколько столетий экономико-политическая система, при которой территория Тоболо-Иртышья занимала важное место в международной караванной торговле с Бактрией, Согдом, Хорезмом и другими оседлыми государствами Средней Азии [Таиров, 1995; Матвеева, 2014]. В этой связи в начале эпохи Великого переселения народов автохтонное бакальское население столкнулось с необходимостью восстановления торговых маршрутов и коммуникаций (рис. 2).

Однако перманентные междоусобицы в степной зоне Евразии между конкурирующими группировками кочевников за пастбищные угодья, возникшие вследствие глобальной засухи, сделали невозможным возвращение региона к прочным торгово-экономическим связям с контрагентами. Как нам представляется, эти причины объясняют инновации различного происхождения в материальной и духовной культуре населения Западной Сибири III–IV вв. н.э. Волго-уральские и южносибирские степные, а также далекие таежные элементы в лесостепной и южно-таежной культуре Тоболо-Иртышья позволяют говорить о формировании сложной системы международных контактов региона, а вместе с этим о притоке мигрантов из обозначенных территорий и усилении их влияния на образ жизни и брачные связи автохтонов.

Для второго хронологического периода, середины IV–VI вв., отметим усиление притока карымских мигрантов в меридиональном направлении с севера на юг по Оби и Иртышу, расселение их мелкими группами среди бакальского населения в долинах Тобола и Ишима, при этом они полностью овладели южно-таежным коридором Иртыша, ассимилировав местное население (см. рис. 2, 2, 4). Последнее фиксируется по наличию «чистых» карымских комплексов с фигурно-штамповой керамикой (рис. 3, 21, 22), например, в некрополях Красноярский-IV, Алексеевка-50, Алексеевка-51. Аккумуляция таежных переселенцев в Тоболо-Иртышье привела к изменениям лесостепных традиций бакальской культуры. В частности, наряду с курганным обрядом распространилась грунтовая традиция захоронений, которая в Приобье доминировала на протяжении практически всего Средневековья – в IV–XVI вв. н.э. [Зыков, 2012; Борзунов, Чемякин, 2014, с. 67]. Дальнейшее функционирование грунтовых могильников в западной части региона продолжалось в IX–XIII вв. н.э., что связано с юдинской культурой [Могильников, 1987, с. 168–176].

Общей инновацией не только для Тоболо-Иртышья, но и для всего Обь-Иртышского бассейна, является традиция помещения остатков трупосожжения в могильные ямы (см. рис. 3, 16–18). По мнению Т. Н. Троицкой, она возникает в Западной Сибири в конце раннего железного века и связана с расселением кулайских групп на саровском этапе развития в I в. до н.э. – III в. н.э. по Оби и ее притокам [Троицкая, 1994, с. 182–183]. В кулайских могильниках трупосожжение достоверно фиксируется крайне редко, как, например, на Шеркалинском некрополе, где данный тип обряда представлен в виде неглубоких округлых ямок, заполненных пеплом, кальцинированными костями и вещами [Чиндина, 1984, с. 50], что весьма точно соответствует описаниям раннесредневековых погребений Окуневского могильника на Иртыше. Наиболее близкие нашим характеристики обнаруживаем в группе погребений первых веков нашей эры из Барабинской лесостепи [Елагин, Молодин, 1991], фоминской культуры Верхнего Приобья [Ширин, 2003, с. 139], таштыкской культуры [Вадецкая, 1982, с. 114–115]. На данных территориях практика трупосожжения считается привнесенной степными племенами из западных районов Центральной Азии [Азбелев, 1992, с. 52; Вадецкая, 1999, с. 190–192; Ширин, 2003, с. 141], также известно, что трупосожжение являлось неотъемлемой характеристикой погребального обряда гуннских племен степей Восточной Европы [Засецкая, 1994, с. 12–13].

Синкретизм лесостепных и таежных элементов подтверждают не только смешанные традиции погребальной обрядности и отдельные находки керамики, сочетающей таежные и лесо-

степные черты (см. рис. 3, 19), но и результаты палеоантропологических штудий. При анализе одонтологических материалов могильника Красноярский-IV была обнаружена существенная близость карымских популяций Прииртышья к группам населения позднего этапа (I–III вв.) саргатской культуры Ишимо-Иртышья, носителям кулайской культуры Верхнего Приобья (могильник Каменный Мыс), локальным группам карымского населения Притоболья, известным по могильнику Козлов Мыс-2 [Грачев, Зеленков, Слепцова, 2021, рис. 8]. Эти данные отчасти детализируют ранние наблюдения И. М. Золотаревой относительно сходства черепов из некрополя Козлов Мыс-2 с фоминской выборкой Верхнего Приобья [Золотарева, 1957, с. 250]. Интересны предварительные результаты генетических исследований. Изучение образцов из могильника Усть-Тара-VII в общей западносибирской выборке выявило элементы матрилинейной ДНК популяций, ведущих свое происхождение из степей Алтая и Забайкалья [Szeifert et al., 2022].

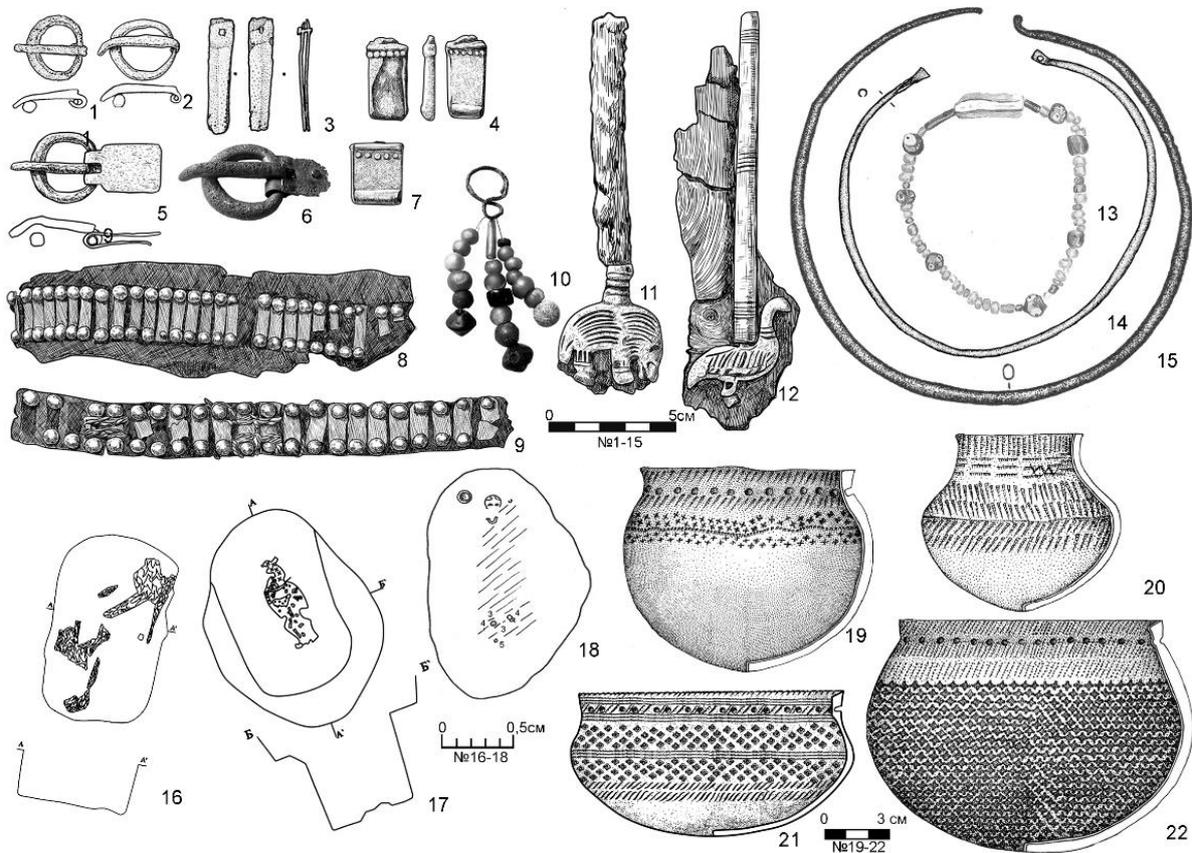

Рис. 3. Вещи и погребения периода конца IV–VI вв. н.э.: 1–3, 6, 10, 13–15, 18–20, 22 – Козлов Мыс-2; 8, 9, 11, 12, 16, 17 – Красноярский-IV; 4, 5, 21 – Усть-Тара-7 некрополи

Полагаем, что отношения носителей карымской и бакальской культур с полукочевыми и кочевыми группами выстраивались на основе обмена пушнины на престижные товары потребления, что подтверждено фактами обнаружения в погребениях металлической посуды среднеазиатского производства, керамики кушнаренковского типа (см. рис. 3, 20), наборными поясами и украшениями восточно-европейского происхождения (см. рис. 3, 1–10, 13–15). В течение рассматриваемого периода упрочились торгово-экономические контакты населения Тоболо-Иртышья с сопредельными территориями, особенно с Южным Уралом и Верхним Прикамьем.

В третьем хронологическом периоде, в конце VI – начале IX вв., происходят существенные изменения. В Прииртышье и Барабе на базе карымского субстрата [Данченко, 2008; Конигов, 2007] складывается потчевашская культура с высокой долей присваивающего

хозяйства, вероятно, самодийского этнолингвистического круга (см. рис. 2, 3). С одной стороны, в этот период Зауралье и Ишимо-Иртышье развиваются под влиянием противоположных векторов преобладающих культурных связей, в первом случае это были западный и южный, во втором – северный и восточный. С другой стороны, новации в обрядах и в быту у носителей бакальской и потчевашской культур, а также распространение большого числа импортов в западносибирской среде, позволяют предполагать наличие устойчивых торгово-экономических и брачных связей как между ними, так и с соседями.

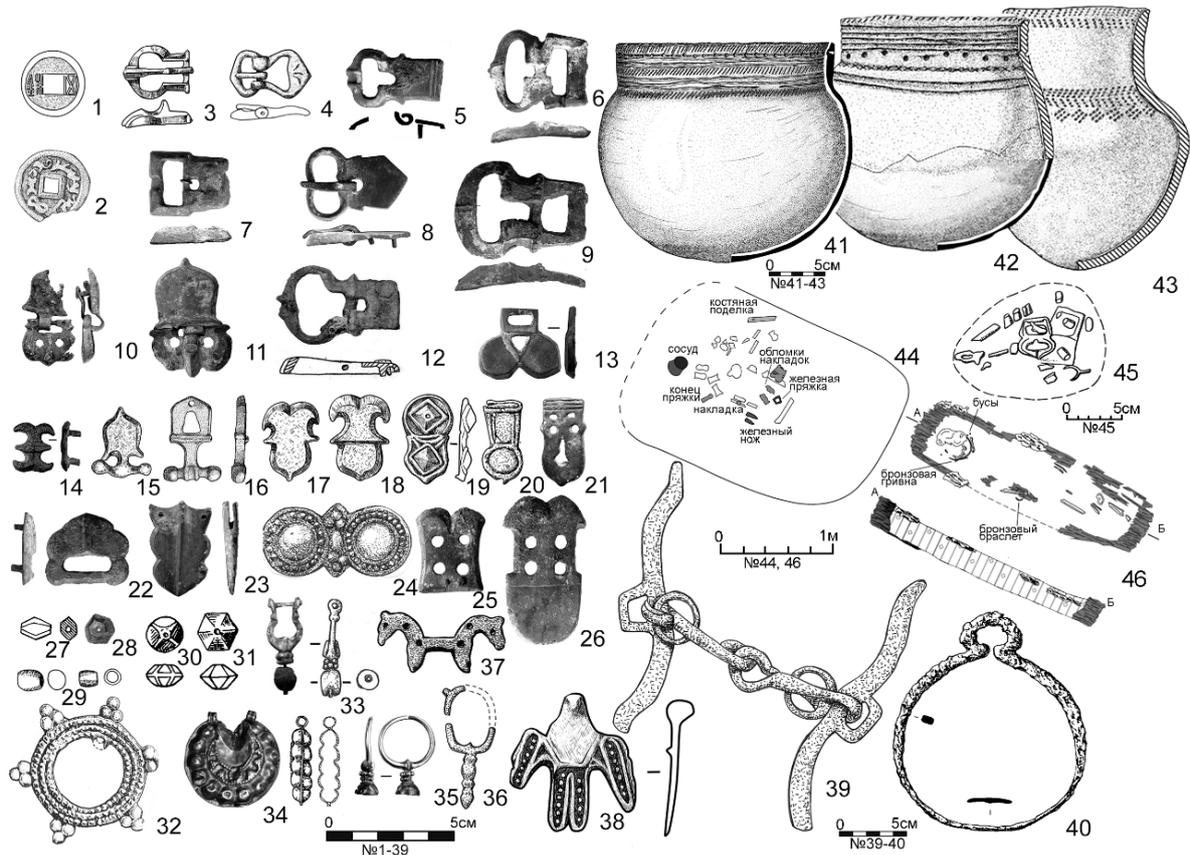

Рис. 4. Вещи и погребения периода VI–VIII вв. н.э.: 1, 15, 17, 18, 44 – Лихачевский; 2, 36, 39 – Мурлинское городище; 4 – Хрипуновский могильник; 5–11, 21–23, 25–29, 40, 45 – Окунево-III могильник; 3, 19, 20 – Усть-Суерский-1 могильник; 12–14, 33–35, 42, 43, 46 – Воденниково-1 могильник; 24, 37 – Перейминский могильник; 16 – Усть-Терсюкское-1 городище; 38, 41 – Викуловское кладбище

В Притоболье зафиксировано появление в VII–VIII вв. воинских захоронений по степному обряду: на древнем горизонте или впускных, с юго-западной ориентировкой умерших в сопровождении оружия и деталей конской узда (рис. 4, 39–40). Это говорит о проникновении отдельных воинских отрядов кочевников в регион [Матвеева, 2016, с. 128–131]. Кроме того, развивалось фортификационное строительство, произошли изменения в жилой архитектуре, наметился переход к наземному срубному жилищу с обширным подпольем, прослежена тенденция к уменьшению площади жилых построек, что объясняется, видимо, большей мобильностью и формированием частной собственности у бакальского населения. В качестве отопительного устройства распространились глинобитные печи-чувалы, заимствованные, вероятно, в лесостепном Приуралье или Прикамье [Матвеева, Раевская, 2023]. Роль данных групп мигрантов пока не выяснена, однако имеются основания связывать их с организацией международной торговли в зауральском регионе, поступлением металлических сосудов [Карачаров, 2007; Федорова, Бауло, 2021], тюргешских и китайских монет (см. рис. 4, 1–2), сменой стилей поясной гарнитуры (см. рис. 4, 3–26) и украшений (см. рис. 4, 24, 27–36) в соответствии со степными стандартами.

На материалах могильников Перейминский и Воденниково-I конца VII–VIII вв. выявлены следы миграции части потчевашского населения с востока на запад. В них отмечены новации, в дальнейшем нашедшие выражение в караякуповских древностях: западная ориентировка могил, установка сосудов вне погребений на подкурганной площадке, захоронения в деревянных гробах (см. рис. 4, 46). После непродолжительных контактов автохтонов с мигрантами началась миксация с преобладанием потчевашских традиций суперстратной группы, что вылилось в формирование памятников перейминского типа. Он характеризуется синкретичными бакальско-потчевашскими чертами в керамике и обрядах (см. рис. 4, 41–43). Взаимодействие потчевашского и бакальского населения на территории восточных склонов Урала можно трактовать как контакты носителей селькупского и угорского языков, повлиявшие на словарь формирующихся мадьяр. Как известно, лексика последних включает довольно много слов самодийской лингвистической группы, которые они могли заимствовать только в Зауралье [Матвеева, Зыков, Зеленков и др., 2022, с. 273]. Высказана идея, что именно насельники зауральской лесостепи – носители перейминской погребальной традиции [Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2021] – были вовлечены в широтную миграцию и сыграли существенную роль в формировании караякуповского населения Южного Урала [Матвеева, Зыков, Зеленков и др., 2022, с. 130–132]. Предполагаем, что причиной переселения на Урал в ареал бакальской культуры мигрантов из южной тайги Прииртышья было давление на них представителей кимако-кипчацкого объединения.

На рубеже VIII–IX вв. прекратили свое существование бакальская и потчевашская культуры, а их место заняли местные образования с таежным обликом керамики и культового литья, поливариантными погребальными обрядами – носители юдинской и усть-ишимской культур (рис. 5) [Там же, с. 86; Третьяков, 2022, с. 140–141]. Исчезновение бакальских и трансформация потчевашских комплексов в усть-ишимские гипотетически объясняется участием местного населения в крупномасштабной миграции на запад в составе племен объединения «Хетумогер». Возможно, что население бакальской и потчевашской культур в начале IX в. также столкнулось с последствиями борьбы печенегов и огузов, вытеснения первых, с одной стороны, и в связи с началом крупной экспансии кочевников кимацкого каганата, с другой. Однако длительность военного противостояния и демографические характеристики сторон не ясны, так как захоронения этого периода пока единичны.

Интенсификация торгово-экономических связей Северной Евразии на рубеже I и II тыс. н.э. способствовала вовлечению западной части Западной Сибири в качестве «транзитной зоны» в эту систему. В результате за Уралом начали складываться маршруты, служившие восточным ответвлением «мехового пути» [Даркевич, 1976, с. 147]. Анализ привозных изделий из памятников первой трети II тыс. н.э. показал, что хронологически они разделяются на два периода: вторая половина IX – первая половина XI вв. и вторая половина XI–XIII вв. Первый характеризуется преобладанием арабского импорта – преимущественно серебра (торевтика, монеты), а также ювелирных изделий, деталями костюма и бытовой утвари болгарского (рис. 6, 26) и верхнекамского происхождения (см. рис. 6, 12–18), а также аналогичными артефактами из комплексов кимаков и сrostкинской культуры (см. рис. 6, 8–11, 19–21). Во втором периоде, кроме болгарских ювелирных изделий (см. рис. 6, 1–7) и металлической посуды, распространение получают разнотипные шумящие украшения родановской культуры Верхнего Прикамья, а также вооружение и бытовой инвентарь, центры производства которых известны на территории Северной Руси [Белавин, 2000, с. 167]. Ввиду этого значимость региона Притоболья для приуральских коллективов была в возможности контроля за торговыми путями и перевалами через Урал по Чусовой, Сылве, Миассу, посредством которых в Западную Сибирь поступали не только разнообразные изделия, но и передовые технологии.

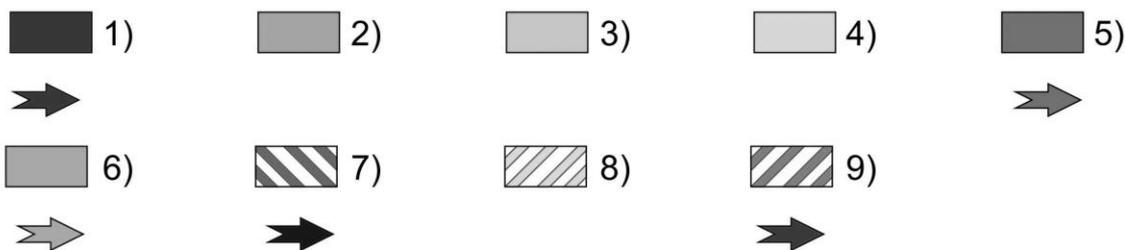
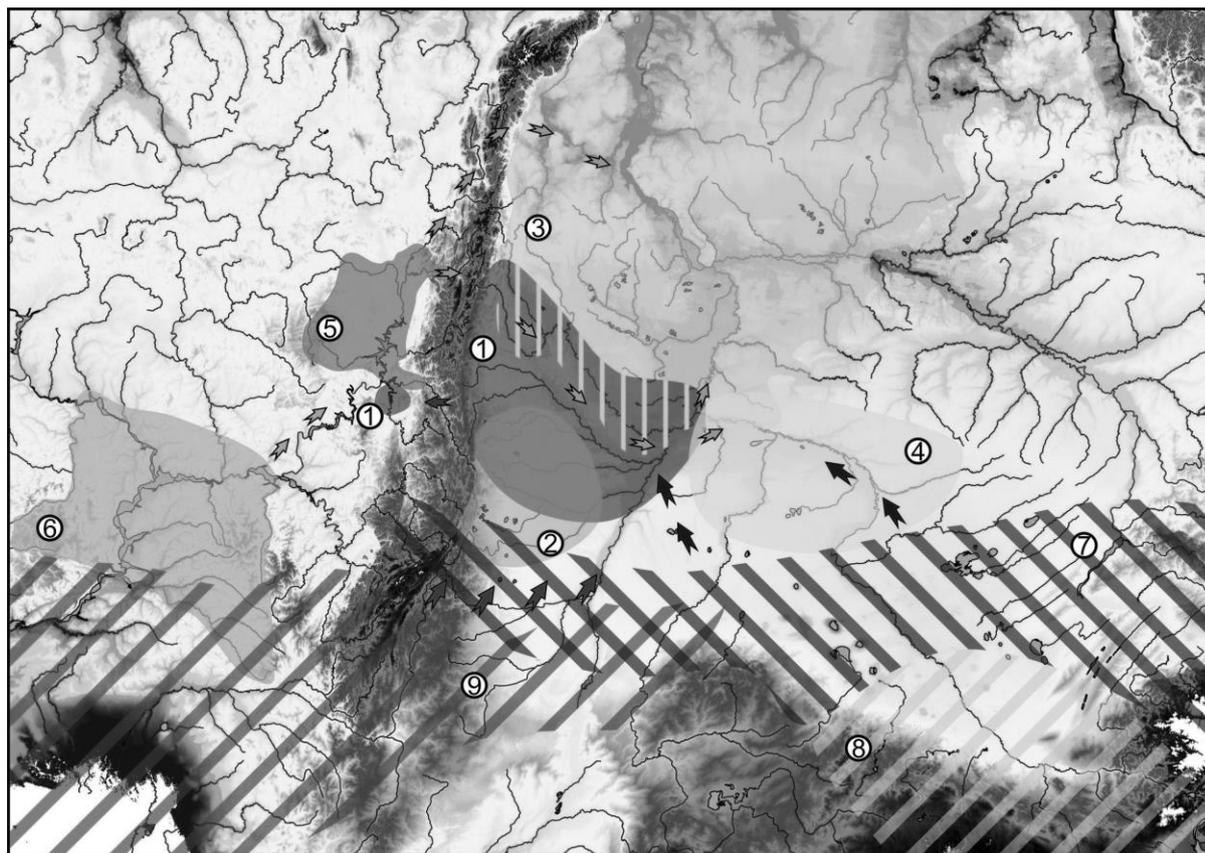

Рис. 5. Культуры второй половины IX–XIII вв. Урало-Сибирского региона и возможные пути миграций:
 1 – ареал юдинской археологической культуры (далее – АК) и направление миграций;
 2 – ареал макушинского типа памятников; 3 – нижеобской историко-культурной общности (далее – ИКО); 4 – ареал усть-ишимской АК; 5 – ареал ломоватовской и родановской АК и направление миграций; 6 – Волжская Булгария и направление миграций; 7 – ареал сrostкинской АК и направление миграций; 8 – ареал распространения памятников кимаков; 9 – ареал распространения памятников кыпчаков и направление миграций

В четвертом периоде, вторая половина IX – первая половина XI в., вследствие оттока аборигенных групп населения в западном и юго-западном направлениях, произошедшего в начале IX в., в лесостепные районы западной части Западной Сибири проникли носители «лесных» традиций, расселившиеся на местах обитания своих предшественников [Матвеева и др., 2007, с. 82–83; Гарустович, 2008, с. 112], но с другой системой хозяйствования. Это время совпадает с началом формирования плотной сети поселений вдоль наиболее значимых водных артерий, узлами которой являлись хорошо укрепленные городки округлой, овальной, прямоугольной или подквадратной формы с замкнутой системой оборонительных сооружений на краях террас и берегов общей площадью не более 4000 м² (см. рис. 6, 27). Отметим, что данные укрепления значительно отличались от мысовых городищ, линейно расположенных вдоль рек лесостепного Зауралья, широко представленных в бакальской культуре в предшествующий период [Рафикова и др., 2013, с. 48–49; Костомаров, Третьяков, 2019, с. 84–85]. Появление новых оборонительных структур, судя по всему, было обусловлено экспансией на территорию Притоболья в конце I тыс. н.э. нижеобского населения (см. рис. 5),

так как именно на севере Западной Сибири зафиксированы наиболее близкие по форме и характеру оборонительных сооружений укрепленные поселения [Федорова и др., 1991, с. 136; Зыков, 2012, с. 78–79].

В Притоболье в это время происходят сложение юдинской культуры на базе уральского субстрата, носителей петрогромско-батырской культуры горнолесного Зауралья, и северного западносибирского суперстрата – представителей кинтусовских традиций нижнеобской ИКО [Матвеева, Зыков, Зеленков и др., 2022, с. 162]. Преимущество петрогромско-батырских и юдинских древностей проявилась в распространении в IX–XIV вв. на территории лесного и лесостепного Зауралья общего стиля шнуровой орнаментации керамической посуды, а также в погребальном обряде, основой которого являлись захоронения по типу ингумации в неглубоких могильных ямах, с ориентацией покойных в западном и северо-западном направлениях. Ранние погребальные памятники юдинской культуры значительно отличаются от предшествующих комплексов VII–VIII вв. лесостепного Зауралья, отражающих оригинальный синкретизм бакальской и потчевашской традиций, что говорит о разных истоках данных формирований.

Напластования культурного слоя большинства поселений «контактной зоны» юдинской и нижнеобской культур в бассейнах рек Тавды и Туры неоднородны (см. рис. 5). Так, в комплексах, кроме материалов юдинской культуры, зафиксирована представительная доля вещей и посуды кинтусовского типа (см. рис. 6, 29–31). Синкретизм вещевых наборов зафиксирован по материалам могильника Вак-Кур, где, помимо посуды юдинского типа, часто устанавливали сосуды кинтусовского облика (см. рис. 6, 28) [Турова, 2020, с. 94–95]. Кроме керамической посуды, широкое распространение в конце I тыс. н.э. получили предметы художественного литья, выполненные в характерном антропоморфном и зооморфном стиле – предметы т.н. обско-угорского круга (см. рис. 6, 22–25). Поэтому для IX в. констатируем очередное продвижение мигрантов из Нижнего Приобья на территорию подтаежного Притоболья. В результате бассейны рек восточного склона Урала вошли в зону влияния представителей кинтусовских традиций [Зыков, 2012, с. 37], что привело к чересполосному расселению носителей юдинской культуры и таежных мигрантов (см. рис. 5). Насколько длительным было их соседство и велика ли была численность переселенцев, судить трудно из-за плохой сохранности антропологических материалов этого периода. Тотальная порча захоронений без извлечения из них ценных вещей, тогда, когда процесс скелетирования еще не закончился, как нам кажется, говорит об остром военном противостоянии разнотничного населения.

На рубеже I и II тыс. н.э. в Нижнем и Среднем Прииртышье происходит смена культурных традиций, причиной чему послужило начало широкой экспансии пространств западносибирской лесостепи тюркоязычными представителями Кимако-кипчацкого объединения и сроткинской культуры (см. рис. 5). Очередной импульс расселения кочевников захватил обширную территорию от Алтая и Верхний Иртыша на востоке [Савинов, 1984, с. 109–113] до районов Южного Урала на западе [Мажитов, 1977, с. 31–33], оказав колоссальное влияние на культуру оседлых групп населения. Так, в Среднем Прииртышье в это время появляются синкретичные комплексы, сочетающие элементы культуры оседлого населения Западной Сибири и тюркоязычных кочевников. К ним относятся несколько групп Мурлинских курганов и Мурлинское городище [Татауров, Тихонов, 2019]. Вероятно, в результате взаимодействия, оставшихся в Прииртышье потчевашских групп, представителей кинтусовского этапа нижнеобской ИКО и носителей сроткинской культуры, к началу X в. в южнотаежном регионе складывается усть-ишимская культура [Конилов, 2007, с. 253–254], развитие которой приходится на XI–XIII вв.

Пятый период, вторая половина XI–XIII в., в Притоболье совпадает с расширением ареала юдинской культуры на юг, в лесостепь, а также с увеличением количества погребальных и поселенческих комплексов. В разных частях Зауралья на юдинской основе вследствие притока инокультурных групп в регион складываются локальные культурные традиции, нашедшие отражение в погребальном обряде. Так, в таежной зоне появляются некрополи, сочетающие в одном могильнике погребения по типу кремации и ингумации. По материалам Ликинского могильника было зафиксировано три основных типа погребального обряда:

ингумации (см. рис. 6, 32); кремации, совершенной на стороне, с последующим переносом кальцинированных останков в лунку на дне могильной ямы (см. рис. 6, 34); трупосожжения, когда погребенного подвергали сожжению, при этом останки со следами термического воздействия находились в анатомическом порядке (см. рис. 6, 33) [Викторова, 2008, с. 17]. Наравне с характерными для юдинской культуры западной и северо-западной ориентировками встречались южная, юго-восточная и восточная, которые соответствуют параметрам некрополей Нижнего Приобья [Семенова, 2001, с. 142]. В частности, наличие нескольких типов обрядности, включая кремацию, характерно для некрополей XII–XVI вв. сайгатинской культуры соседних регионов – Верхней Конды [Зыков, 2012, с. 36; Мельник, 2018]. Таким образом, биритуализм погребального обряда, сочетающего трупоположение и кремацию, объясняется чересполосным проживанием носителей юдинской культуры и представителей нижеобской ИКО, их брачными связями на территории северо-западного Приобья.

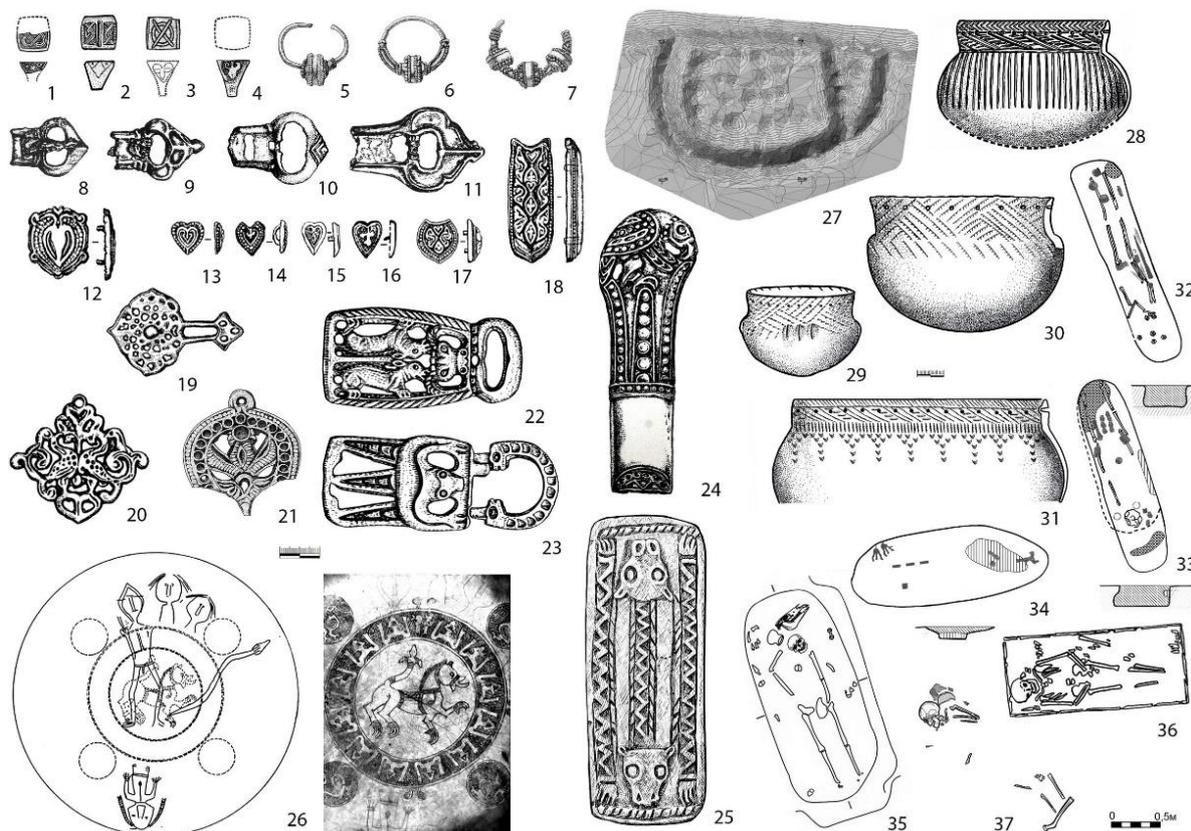

Рис. 6. Вещи и погребения периода второй половины IX–XIII вв.: 1–4, 6, 7, 22, 23, 29–34 – могильник Ликинский; 5 – могильник Медный Борок; 8–20, 24, 28 – могильник Вак-Кур; 21 – святилище Песьянка-1; 25, 35 – могильник Пылаевский; 26 – д. Рублева (Свердловская обл.); 27 – городище Пламя Сибири-6; 31 – городище Черепаниха-2; 36 – могильник Козырь; 37 – могильник Усть-Терсюк-3

В лесостепи и пограничных районах подтайги широкое распространение получают грунтовые захоронения в сопровождении шкуры лошади (см. рис. 6, 35). Эта традиция прослежена на материалах могильников Пылаевский, Медный Борок, Усть-Терсюк-3, где были изучены захоронения мужчин со следами увечий [Ражев, 1997, с. 148–149]. Аналогии данному обряду захоронений с конем и его шкурой находим в памятниках VIII–IX вв. Тувы, а позднее, в IX–X вв., эта традиция распространяется у кимаков Прииртышья [Могильников, 1981, с. 31, 34] и у печенегов [Плетнева, 1981, с. 218], на Южном Урале на втором этапе караякуповской культуры [Мажитов, 1981, с. 81].

Одновременно с грунтовыми могильниками (см. рис. 6, 36) появляются впускные захоронения в курганные насыпи предшествующих эпох (см. рис. 6, 37) (могильники

Макушинский, Мысовской, Усть-Терсюк-3), которые относятся к памятникам макушинского типа. Погребальный обряд этой группы характеризуется ингумациями в вытянутой на спине позе с расположенными на поясе руками и с северо-западной ориентировкой. Известны случаи сопровождения умерших шкурами лошади, что сближает данную группу захоронений с захоронениями юдинской культуры XI–XIII вв.

Итак, развитие культуры лесостепных и подтаежных групп населения Притоболья шло обособленно друг от друга. Сложившись в лесостепном Притоболье при участии кипчакского населения, представители макушинской традиции сосуществовали с носителями родственной юдинской культуры в рамках XII – первой половины XIII в. Характер их взаимодействия определить достаточно сложно, тем не менее проживание в рамках единой экологической ниши двух групп населения было обусловлено различными культурно хозяйственными типами. Юдинская экономика базировалась на оседлых формах скотоводства, охоты и рыболовства, в то время как макушинская – на подвижном животноводстве [Викторова, Морозов, 1993, с. 189].

В XII в. происходит отток части юдинского населения в Приуралье [Казаков, 2014, с. 234], в результате чего на территории Среднего Прикамья появляются погребальные комплексы, несущие явные юдинские черты. Одним из таких является Кишертский могильник в Сылвенском поречье (см. рис. 5) [Пастушенко, 2007]. Прямые параллели в погребальном обряде, керамическом и инвентарном комплексах Кишертского и ряда притобольских могильников (Пылаевский, Медный Борок, Усть-Терсюк-3) позволяют говорить о формировании юдинских анклавов в Предуралье.

Заключение

Таким образом, в связи с качественными изменениями в археологических данных появилась возможность оценить характер контактов этнокультурных общностей в регионе Тоболо-Иртышья и с сопредельными территориями. Они могут быть расценены как сложные и динамичные, включая связи с номадами и городскими центрами Центральной Азии и Восточной Европы, торгово-ремесленными центрами Прикамья. Этнокультурная карта западной части Западной Сибири представляется нам весьма мозаичной и с точки зрения происхождения отдельных групп населения, и с точки зрения хозяйственных, бытовых укладов и традиций духовной культуры. Причиной этого явились неоднократные миграции как в виде переселения значительных групп, так и постоянные инфильтрации в зонах контактов носителей разных археологических культур.

В период Великого переселения народов доминировали меридиональные проникновения в лесостепь, главную роль в культуuroгенезе и антропологическом составе населения сыграли таежные мигранты. В раннем Средневековье историко-культурные картины развития Тоболо-Ишимья и Прииртышья существенно различались за счет доминирования автохтонов в Зауралье и господства северных мигрантов в долине Иртыша. Вместе с тем ярко проявилось внутризональное широтное передвижение на запад, вплоть до оттока населения, под давлением кочевников в период расширения их империй. Активная вовлеченность в мировые экономические связи Западной Сибири также содействовала миграциям малых коллективов как носителей технологических новаций и организаторов торговых маршрутов. В развитом Средневековье различие в пропорциях субстратных и суперстратных групп Зауралья и Прииртышья продолжало сохраняться. Существенная экспансия угорского населения из Нижнего Приобья в юго-западном направлении привела к сложению на западе новой этнокультурной среды – юдинской, а возрождение автохтонных начал наряду с проникновением небольших групп номадов на востоке рассматриваемого ареала было толчком к началу процессов тюркизации угорского мира.

Новым вкладом в изучение формирования средневековых народов является обоснование тезиса, что в лесостепную и подтаежную зону Западной Сибири, по археологическим данным, имели место несколько волн проникновения инокультурного населения как с севера и юга, так и с востока и запада, но культурное и этническое превалирование оставалось за таежными группами.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01779, <https://rscf.ru/project/24-28-01779/>.

Библиографический список

- Азбелев П.П.* Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: тез. конф. Красноярск, 1992. Т. 2. С. 48–52.
- Багашев А.Н.* Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 406 с.
- Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С. 56–66.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Карымские могильники таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. С. 64–70.
- Боталов С.Г.* Зауральская угорская ойкумена эпохи средневековья // Археология Евразийских степей. 2019. Вып. 6. С. 138–159.
- Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культуругенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 468–531.
- Вадецкая Э.Б.* Интерпретация существования двух обрядов в таштыкских грунтовых могильниках // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. регион. конф. Иркутск, 1982. С. 114–115.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 174–178.
- Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: КВАДРАТ, 2008. 208 с.
- Гарустович Г.Н.* Керамика городища Усть-Терсюк на реке Исеть // Проблемы бакальской культуры: материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск: Рифей, 2008. С. 102–114.
- Грачев М.А., Зеленков А.С., Слепцова А.В.* Курганный могильник Красноярский-IV эпохи великого переселения народов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4. С. 60–73.
- Данченко Е.М.* К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: материалы семинара. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока, VIII–XIII вв.: произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Елагин В.С., Молодин В.И.* Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.). Санкт-Петербург, 1994. 227 с.
- Золотарева И.М.* Черепа из Перейминского и Козловского могильников // Материалы и исследования по археологии СССР. 1957. № 58. С. 246–250.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Казаков Е.П.* Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 222–241.
- Карачаров К.Г.* О серебре закамском // Седьмые Берсовские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, Екатеринбург, 2–4 декабря 2014 г. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2016. С. 274–284.
- Клейн Л.С.* Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.

- Комар А.В.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт: Martin Opitz Kiado, 2018. 425 с.
- Костомаров В.М., Третьяков Е.А.* Структура расселения раннесредневековых коллективов Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 81–92.
- Конилов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск, 2007. 466 с.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. 302 с.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981. 164 с.
- Матвеева Н.П.* Актуальные вопросы изучения древней караванной торговли (Западная Сибирь и Центральная Азия) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 100–109.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. 178 с.
- Матвеева Н.П., Дьени Г., Зеленков А.С.* Проблемы изучения происхождения мадьяр (по уралосибирским материалам раннего средневековья) // Российская археология. 2021. № 2. С. 147–166.
- Матвеева Н.П., Зыков А.П., Зеленков А.С.* [и др.]. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2022. 260 с.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В.* К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. 1. С. 76–99.
- Матвеева Н.П., Раевская Н.Ю.* Бакальские жилища раннего Средневековья (лесостепь Тоболо-Ишимья) // Вестник Перм. ун-та. История. 2023. № 1(60). С. 61–72.
- Матвеева Н.П., Третьяков Е.А.* К вопросу о скотоводстве бакальского населения Зауралья // Вестник Том. ун-та. История. 2020. № 67. С. 145–152.
- Мельник Т.В.* Кремации в могильниках Средневековья Западной Сибири // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии: 2-й молодежный конвент: материалы междунар. студенч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 116–118.
- Матвеева Н. П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С.* Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 4. С. 91-99. DOI 10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099.
- Могильников В.А.* К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финноугроведение. 1994. № 1. С. 61–68.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Могильников В.А.* Кимаки. – Сроткинская культура. – Карлуки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 43–52.
- Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Уфим. археолог. вестник. 2007. Вып. 6. С. 162–184.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи 23. Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213–223.
- Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.
- Ражев Д.И.* Антропологическое исследование Пылаевского грунтового могильника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С.147–152.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.* Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

- Семенова В.И. Средневековые могильники Южного Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2016. 272 с.
- Слепцова А.В. Обычай искусственной деформации черепа у населения Приобья эпохи Великого переселения народов // Экология древних и традиционных обществ: сб. материалов конф. Тюмень, 2016. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 1. С. 57–60.
- Таиров А.Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1995.
- Татауров, С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 103–112. DOI 10.17746/1563-0102.2019.47.1.103-112.
- Третьяков Е.А. Хронологические комплексы средневековых памятников Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1(56). С. 134–147.
- Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 169–184.
- Турова Н.П. Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 83–97.
- Тюрк А. От Урала до Карпат. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров // II Междунар. Мадыарский симпозиум: сб. науч. тр. Челябинск, 2013. С. 231–237.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. С. 126–145.
- Федорова Н.В., Бауло А.В. Три серебряных блюда с территории Югры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 1. С. 60–67.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 256 с.
- Ширип Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Anthony D. Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater // American Anthropologist. 1990. Vol. 92. P. 895–914.
- Burmeister S. Archaeology and Migration // Current Anthropology. 2000. No. 41(4). P. 539–567.
- Cameron C. How People Moved among Ancient Societies: Broadening the View // American Anthropologist. 2013. No. 115. P. 218–231.
- Hakenbek S. ‘Hunnish’ modified skulls: physical appearance, identity and the transformative nature of migrations // Mortuary Practices and Social Identities in the Middle Ages: Essays in Burial Archaeology in Honour of Heinrich Härke. 2009. P. 64–80.
- Hakenbek S. Migration in Archaeology: Are We Nearly There Yet? // Archaeological Review from Cambridge. 2008. No. 23. P. 9–26.
- Prien R. Archäologie und Migration: Vergleichende Studien zur archäologischen Nachweisbarkeit von Migrationsbewegungen. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 2005.
- Szeifert B., Gerber D., Csáky V. Tracing Genetic Connections of Ancient Hungarians to the 6th–14th Century Populations of the Volga-Ural Region // Human Molecular Genetics. 2022. Vol. 31, no. 19. P. 3266–3280.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.12.2023

THE ROLE OF MIGRATIONS IN THE CULTURAL GENESIS OF THE WESTERN SIBERIAN POPULATION IN THE MIDDLE AGES (FOREST-STEPPE AND SUB-TAIGA ZONES)

N. P. Matveeva

University of Tyumen, Volodarskiy str., 6, 625003, Tyumen, Russia
n.p.matveeva@utmn.ru
ResearcherID: ABD-1689-2020
Scopus Author ID: 57209827145

A. S. Zelenkov

University of Tyumen, Volodarskiy str., 6, 625003, Tyumen, Russia
qvimen@hotmail.com
ResearcherID A-5847-2017
Scopus Author ID 57219746752

E. A. Tretyakov

University of Tyumen, Volodarskiy str., 6, 625003, Tyumen, Russia
gor-tom@mail.ru
ResearcherID: AAG-3175-2021
Scopus Author ID: 57213626432

The paper examines anthropological and socio-economic concepts in the study of migration, focusing on the regional level. Approximately 400 archeological objects were sources of the work, including settlements, cemeteries, places of cults, places of finds, dating from the 4th to the 13th centuries AD in the forest-steppe and sub-taiga zones of the Tobol-Irtysh basins, as well as data on the anthropological composition of the population. The authors highlight the significant contribution of ethnic and cultural diversity, as well as migration, to the historical and cultural processes of Western Siberia during the Great Migration epoch, Early Middle Ages, and during the period from the 10th to the 13th centuries. While the Great Migration epoch was dominated by meridian invasions in the forest-steppe, the main role in shaping the cultural and anthropological composition was played by migrants from the taiga Karym culture. The historical and cultural dynamics of the Tobol and Ishim basins and Irtysh region differed, as the autochthonous population dominated in the Trans-Urals, while northern migrants were the dominant group in the Irtysh basin. They created autonomous cultural formations, such as the Bakalskaya and Potchevash cultures. Intrazonal latitudinal movement to the West was clearly manifested up to the outflow of the population in the Pereyma type sites. This process was likely driven by the expansion of Kipchaks and Pechenegs. The involvement of Western Siberia into global economy also contributed to the migration of small groups, who brought technological innovations and established trade routes. In the 10th – 13th centuries, there was a persistent difference in the proportions of sub-stratum and super-stratum groups in the Trans-Urals and Irtysh region. The significant expansion of the Ugrian people from the Lower Ob region towards the Southwest led to the emergence of a new cultural environment, known as the Yudino formation. This, along with the revival of autochthonous principles and the influx of small groups of nomads from the East (Ust'-Ishim culture), contributed to the Turkization of the Ugrian world.

Key words: Western Siberia, forest-steppe, southern taiga, migrations, early and developed Middle Ages, Bakal, Potchevash, Yudin, Ust-Ishim cultures.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-49-720001 “The role of migrations in the historical and cultural dynamics of the south of Western Siberia in the Middle Ages”.

References

- Anthony, D. (1990), “Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater”, *American Anthropologist*, vol. 92, pp. 895–914.
- Azbelev, P.P. (1992), “Typogenesis of typical Tashtyk buckles”, in *Problemy arkheologii, istorii, kraevedeniya i etnografii Prieniseyskogo kraya: Tezisy konferentsii* [Problems of archeology, history, local history and ethnography of the Yenisei region: Abstracts of the conference], vol. 2, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet, Krasnoyarskiy kraevoy krayevedcheskiy muzey, Krasnoyarsk, Russia, pp. 48–52.
- Bagashev, A.N. (2017), *Antropologiya Zapadnoy sibiri* [Anthropology of Western Siberia], Nauka, Novosibirsk, Russia, 406 p.

- Belavin, A.M. (2000), *Kamskiy torgoviy put' Srednevekovoe Predurale v ego ekonomicheskikh i etnokulturnykh svyazyakh* [Kama trade route. Medieval Cis-Urals in its economic and ethno-cultural relations], Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, Perm, Russia, 200 p.
- Bobrov, V.V., Vasyutin, A.S. & S.A. Vasyutin (2003), *Vostochnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (3-7 veka)* [Eastern Altai in the era of the Migration Period (3rd – 7th centuries AD)], Institut arkheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, Russia, 224 p.
- Borzunov, V.A. & Yu.P. Chemyakin (2014), “Karym burial grounds in the taiga of Ob region”, *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, № 2, pp. 64–70.
- Borzunov, V.A. & Yu.P. Chemyakin (2015), “Karym ceramics of the Ob taiga”, *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, № 1, pp. 56–66.
- Botalov, S.G. (2016), “Historical and cultural horizons in the era of the early Iron Age and the Middle Ages of the forest-steppe Trans-Urals”, in *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep (problemy kulturogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis)], Rifei, Chelyabinsk, Russia, pp. 468–531.
- Botalov, S.G. (2019), “Trans-Ural Ugric Oecumene of the Middle Ages”, *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*, № 6, pp. 138–159.
- Burmeister, S. (2000), “Archaeology and migration”, *Current Anthropology*, vol. 41, № 4, p. 539–567.
- Cameron, C. (2013), “How People Moved among Ancient Societies: Broadening the View”, *American Anthropologist*, № 115, pp. 218–231.
- Chindina, L.A. (1984), *Drevnyaya istoriya Srednego Priobya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age], Tomskiy universitet, Tomsk, Russia, 256 p.
- Danchenko, E.M. (2008), “On the description of the historical and cultural situation in the Middle Irtysh region at the turn of the early Iron Age and the Middle Ages,” in *Problemy bakalskoy kultury. Mater. seminara* [Problems of Bakal culture: materials of the seminar], Rifei, Chelyabinsk, Russia, pp. 45–60.
- Darkevich, V.P. (1976), *Khudozhestvennyy metall Vostoka, VIII–XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii Yevropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Artistic metal of the East, 8th – 13th centuries AD: Works of Eastern toreutics on the territory of the European part of the USSR and Trans-Urals], Nauka, Moscow, USSR, 199 p.
- Elagin, V.S., Molodin, V.I. (1991), *Baraba v nachale I tysyacheletiya n.e.* [Baraba at the beginning of the 1st millennium A.D.], Nauka, Novosibirsk, Russia, 126 p.
- Fedorova, N. V. (2021), “Three silver dishes from the territory of Yugra”, *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, vol. 49, № 1, pp. 60–67.
- Fedorova, N.V., Zykov, A.P., Morozov, V.M. & L.M. Terekhova (1991), “Surgut Priobye in the Middle Ages”, in *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of archaeology of the Urals], Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, Ekaterinburg, USSR, pp. 126–145.
- Garustovich, G.N. (2008), “Pottery of the settlement of Ust-Tersyuk on the Iset River, in *Problemy bakalskoi kultury: materialy nauch.-prakt. seminara po problemam bakalskoy kultury* [Problems of Bakal culture: materials of the seminar], Rifei, Chelyabinsk, Russia, pp. 102–114.
- Grachev, M.A., Zelenkov, A.S. & A.V. Sleptsova (2021), “Krasnoyarsky-IV kurgan cemetery of the Great Migration Period”, *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, № 4, pp. 60–73.
- Hakenbek, S. (2008), “Migration in Archaeology: Are We Nearly There Yet?”, *Archaeological Review from Cambridge*, № 23, p. 9–26.
- Hakenbek, S. (2009), “‘Hunnish’ modified skulls: physical appearance, identity and the transformative nature of migrations”, in *Mortuary Practices and Social Identities in the Middle Ages: Essays in Burial Archaeology in Honour of Heinrich Härke*, University of Exeter Press, Exeter, UK, p. 64–80.
- Karacharov, K.G. (2016), “About silver of Zakamye”, in *Sed'mye Bersovskie chteniya: Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Seventh Bersov Readings: All-Russian Materials. scientific-practical conf. with international participation], Kvadrat, Yekaterinburg, Russia, pp. 274–284.
- Kazakov, E.P. (2014), “The chronology of Volga Bulgary ancientries in Eastern Europe medieval migrations system”, *Povolzhskaya arkheologiya*, vol. 9, № 3, pp. 222–241.
- Klein, L.S. (1999), “Migration: archaeological evidence”, *Stratum plus*, №1, pp. 52–71.
- Komar, A.V. (2018), *Istoriya i arkheologiya drevnikh madyar v epokhu migratsii* [History and archaeology of the Ancient Hungarians in the era of migration], Martin Opitz Kiado, Budapesht, Hungary, 425 p.
- Konikov, B.A. (2007), *Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom Srednevekov'e* [Omsk Irtysh region in the early and developed Middle Ages], Omskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, Omsk, Russia, 466 p.
- Kosarev, M.F. (1991), *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: chelovek i prirodnyaya sreda* [Ancient History of Western Siberia: Man, and the Environment], Nauka, Moscow, USSR, 302 p.
- Kostomarov, V.M. & E.A. Tretyakov (2019), “Settlement structure of early Medieval groups in the Trans-Urals”, *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, vol. 47, №4, pp. 81–92.

- Kubarev, G.V. (2005), *Kul'tura drevnih tjurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamjatnikov)* [The culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from burial grounds)], Institut arkheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, Russia, 400 p.
- Matveeva, N.P. & E.A. Tretyakov (2020), "Cattle breeding of the Bakalskaya culture's population of the Trans-Urals", *Vestnik Tomskogo universiteta. Istorija*, № 67, pp. 145–152.
- Matveeva, N.P. & N.Yu. Raevskaya (2023), "Bakal dwellings of the early Middle Ages (forest-steppe of the Tobol and Ishim basin)", *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, vol. 60, № 1, pp. 61–72.
- Matveeva, N.P. (2012), *Kozlovskiy mogilnik epokhi Velikogo pereseleniya narodov* [Kozlovsky burial ground of the era of the Great Migration Period], Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, Tyumen, Russia, 178 p.
- Matveeva, N.P. (2014), "Current issues in the study of ancient caravan trade (Western Siberia and Central Asia)", in *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredelnykh territoriyakh: sb. pamyati E.E. Kuzminoy* [Aryans of the Eurasian steppes: the Bronze and Early Iron Age in the Eurasian steppes and adjacent territories: collection. in memory of E.E. Kuzmina], Institut arkheologii i etnografii SO RAN, Barnaul, Russia, pp. 100–109.
- Matveeva, N.P. (2016), *Zapadnaya Sibir v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kulturogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Western Siberia in the era of the Great Migration Period (problems of cultural genesis according to the data of funerary monuments)], Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, Tyumen, Russia, 264 p.
- Matveeva, N.P. (ed.) (2022), *Zapadnaya Sibir v epokhu rannego Srednevekovya: vzaimodeistvie etnokulturnykh obshchnostey* [Western Siberia in the early Middle Ages: interaction of ethnocultural communities], Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, Tyumen, Russia, 260 p.
- Matveeva, N.P., Deni, G. & A.S. Zelenkov (2021), "The issues of studying the Magyars genesis (Based on the Ural-Siberian materials of the Early Middle Age", *Rossiyskaia arkheologiya*, № 2, pp. 147–166.
- Matveeva, N.P., Rafikova, T.N. & S.V. Berlina (2007), "To the question of the chronological position of the Bakal culture (based on the materials of the Iset settlements", in *AB ORIGINE*, № 1, Vektor Buk, Tyumen, Russia, pp. 76–99.
- Matveeva, N.P., Tretyakov, E.A. & A.S. Zelenkov (2021), "Archaeological Evidence of Migration from the Southern Taiga of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages: The Vodennikovo-1 Cemetery", *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 49, № 4, pp. 91–99.
- Mazhitov, N.A. (1977), *Yuzhniy Ural v VII–XIV vv.* [Southern Urals in the 7th – 14th centuries], Nauka, Moscow, Russia, 240 p.
- Melnik, T.V. (2018), "Cremations in the burial grounds of the Middle Ages of Western Siberia", in *Mnogomernost obshchestva: chelovek v sotsialnom vzaimodeistvii: 2-i molodezhnyy konvent: materialy mezhdunarodnoi studentcheskoi konferentsii* [Multidimensionality of society: man in social interaction: 2nd youth convention: materials of the international student conf.], Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, Yekaterinburg, Russia, pp. 116–118.
- Mogilnikov, V.A. (1981), "Kimaki. – Srostkinskaya kultura. – Karluki", in *Arkheologiya SSSR: Stepi Evrazii v epokhu Srednevekovya* [Archeology of the USSR: Steppes of Eurasia in the Middle Ages], Institut arkheologii SSSR, Moscow, Russia, pp. 43–52.
- Mogilnikov, V.A. (1994), "On the problem of the genesis of the Ugric ethnocultural community", *Finougrovedenie*, № 1, pp. 61–68.
- Pastushenko, I.Yu. (2007), "Kishert burial ground in the Sylva River basin", *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, № 6, pp. 162–184.
- Pletneva, S.A. (1981), "Pechenegs, Torques, Cumans", in *Arkheologiya SSSR: Stepi Evrazii v epokhu srednevekovya* [Archeology of the USSR: Steppes of Eurasia in the Middle Ages], Institut arkheologii SSSR, Moscow, Russia, pp. 213–223.
- Prien, R. (2005), *Archäologie und Migration: Vergleichende Studien zur archäologischen Nachweisbarkeit von Migrationsbewegungen*, Rudolf Habelt Verlag, Bonn, Germany, 373 pp.
- Rafikova, T.N., Berlina, S.V., Kaidalov, A.I. & E.A. Sechko (2013), "Fortifications of the Early and Developed Middle Ages in the Forest-Steppe and Subtaiga Trans-Urals", *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, vol. 23, № 4, pp. 42–51.
- Razhev, D.I. (1997), "Anthropological study of the Pylaevsky soil burial ground", in *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Conservation archaeological research in the Middle Urals], № 1, Izdatel'stvo Yekaterinburg, Yekaterinburg, Russia, pp. 147–152.
- Savinov, D. G. (1984), *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyurykskuyu epokhu* [The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era], Leningradskiy gosudarstvennyy universitet, Leningrad, USSR, 174 p.
- Savinov, D.G., Novikov, A.B. & S.G. Roslyakov (2008), *Verkhnee Priobye na rubezhe epokh (basandaiskaya kultura)* [Upper Ob region at the turn of eras (Basandai culture)], Institut arkheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, Russia, 424 p.
- Semenova, V.I. (2001), *Srednevekovye mogilniki Yuzhnogo Priobya* [Medieval Burial Grounds in the Southern Ob], Nauka, Novosibirsk, Russia, 296 p.

- Seregin, N.N. & S.S. Matrenin (2016), *Pogrebalnyyobryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [Funeral rite of the Altai nomads In II century BC – XI century AD], Izdatelstvo Altaiskogo universiteta, Barnaul, Russia, 272 p.
- Shirin, Yu.V. (2003), *Verkhnee Priobye i predgorya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n.e. (pogrebalnye pamyatniki fominskoi kultury)* [Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (funeral monuments of the Fominsk culture)], Kuznetskaya krepost, Novokuznetsk, Russia, 288 p.
- Sleptsova, A.V. (2016), “Artificial skull deformation in the Tobol river region in the Great migration time”, in *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Sbornik mat. konferentsii* [Ecology of ancient and traditional societies: collection of conference materials], part 1, vol. 2, № 5, Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, Tyumen, Russia, 2016, pp. 57–60.
- Szeifert, B., Gerber, D., Csáky, V. et al. (2022), “Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region”, *Human Molecular Genetics*, vol. 31, № 19, pp. 3266–3280.
- Tairov, A.D. (1995), *Torgovye kommunikatsii v zapadnoi chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* [Trade communications in the western part of the Ural-Irtysh interfluve], Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, Chelyabinsk, Russia, 43 p.
- Tataurov, S.F. & S.S. Tikhonov (2019), “Medieval sites of Tara region, the Irtysh Basin: Origin, chronology, cultural and ethnic attribution”, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 47, № 1, pp. 103–112.
- Tretyakov, E.A. (2022), “Chronological complexes of Medieval sites in Western Siberia”, *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, vol. 56, № 1, pp. 134–147.
- Troitskaya, T.N. (1994), “*Lesostepnoe Priobe*”, in *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Mir realnyy i potustoronniy* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. The real and otherworldly world], Tomskiy universitet, Tomsk, Russia, pp. 169–184.
- Turova, N. P. (2020), “Pottery from the Vak-Kur cemetery of the Yudina Culture (based on materials from excavations 3–6)”, *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, vol. 49, № 2, pp. 83–97.
- Tyurk, A. (2013), “New results and perspectives in the archeology of Eastern Europe regarding the ancient Hungarians”, in *Mezhdunarodnyy Madyarskiy simpozium* [International Magyar symposium], Rifei, Chelyabinsk, Russia, pp. 231–237.
- Vadetskaya, E.B. (1982), “Interpretation of the existence of two rites in Tashtyk burial grounds”, in *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: Tezisy regionalnoy konferentsii* [Problems of archeology and ethnography of Siberia: abstracts of region. conf.], Irkutskiy universitet, Irkutsk, Russia, pp. 114–115.
- Vadetskaya, E.B. (1999), *Tashtytskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk era in the ancient history of Siberia], Tsentr «Peterburgskoye Vostokovedeniye», St. Petersburg, Russia, 440 p.
- Viktorova, V.D. & V.M. Morozov (1993), “Middle Trans-Urals in the Late Iron Age”, in *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Middle Trans-Urals in the Late Iron Age], Ural'skiy universitet, Yekaterinburg, Russia, pp. 174–178.
- Viktorova, V.D. (2008), *Drevnie ugry v lesakh Urala (stranitsy rannei istorii mansi)* [Ancient Ugrians in the forests of the Urals (pages of the early history of the Mansi)], Kvadrat, Yekaterinburg, Russia, 208 p.
- Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV–V vv. n.e.)* [Culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (late 4th – 5th centuries AD)], Éllips, St. Petersburg, Russia, 227 p.
- Zolotareva, I.M. (1957), “Skulls from the Pereyminsky and Kozlovsky burial grounds”, in *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR], №58, Institut arkheologii RAN, Moscow, USSR, pp. 246–250.
- Zykov, A.P. (2012), *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priobya. Srednevekove i novoe vremya* [Barsova Gora: essays on the archaeology of the Surgut Ob region. Middle Ages and modern times], Uralskii rabochiy, Yekaterinburg, Russia, 232 p.